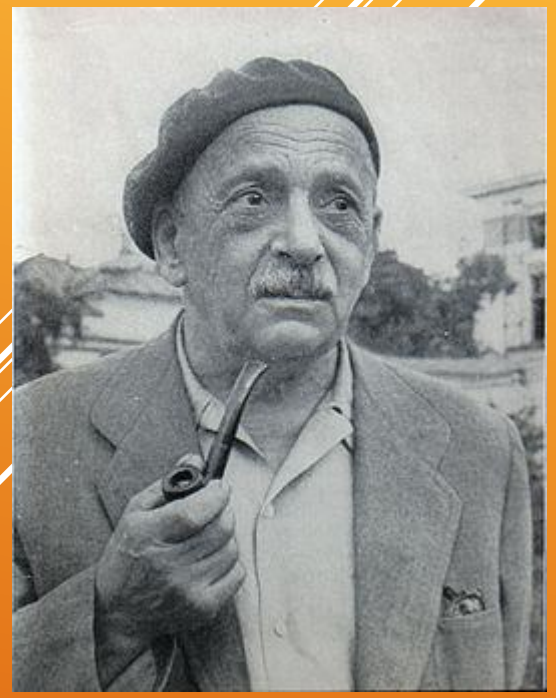
ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ

ПА́ВЕЛ ГРИГО́РЬЕВИЧ АНТОКО́ЛЬСКИЙ — РУССКИЙ СОВЕТСКИЙ ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК.



Родился: 1 июля 1896 г., Санкт-Петербург

Умер: 9 октября 1978 г., Москва

Поэма «Сын»

ПАМЯТИ МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА АНТОКОЛЬСКОГО, ПАВШЕГО СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ 6 ИЮНЯ 1942 ГОДА

- Вова! Я не опоздал? Ты слышишь?
  Мы сегодня рядом встанем в строй.
  Почему ты писем нам не пишешь,
  Ни отцу, ни матери с сестрой?

Мой сын погиб. Он был хорошим сыном,
Красивым, добрым, умным, смельчаком.
Сейчас метель гуляет по лощинам,
Вдоль выбоин, где он упал ничком.

Пока он спит, и тянется, и тянет
Ручонки вверх, ты все ему отдашь.
Но погоди, твой сын на ножки встанет,
Потребует свистульку, карандаш.

Она была прекрасна и огромна
Все те года, пока мой мальчик рос, -
Жизнь облаков, аэродромов, комнат,
Оркестров, зимних вьюг и летних гроз.

Он ждал труда, как воздуха и корма:
Чертить, мять в пальцах, красить что-нибудь...
Колонки логарифмов, буквы формул
Пошли за ним из школы в дальний путь.

Он столько шин стоптал велосипедом
По всем Садовым, за Москвой-рекой
И столько пленки перепортил "ФЭДом",
Снимая всех и все, что под рукой.

Сегодня нет ни мальчика, ни Крыма...
Метет метель, трубит в охрипший рог,
И только грозным заревом багрима
Святая даль прифронтовых дорог.

Я слышал взрывы тыщетонной мощи,
Распад живого, смерти торжество.
Вот где рассказ начнется. Скажем проще -
Вот западня для сына моего.

А в том году спокойном, двадцать третьем,
Когда мой мальчик только родился,
Уже присматривалась к нашим детям
Та сторона, ощеренная вся.

Вставай, старик.
Пора нам.
Пройдем по странам, где гулял твой сын.
Нам будет жизнь его - киноэкраном,
А смерть - лучом прожектора косым.

По деревням, на пустошах горючих
Творятся ночью страшные дела.
Раскачиваются, скрипя на крючьях,
Повешенных иссохшие тела.
Расстреляны и догола раздеты,
В обнимку с жизнью брошены во рвы,
Глядят ребята, женщины и деды
Стеклянным отраженьем синевы.

Мы на поле с тобой остались чистом, -
Как ни вывертывайся, как ни плачь!
Мой сын был комсомольцем.
Твой - фашистом.
Мой мальчик - человек.
А твой - палач.

Идут года - тридцать восьмой, девятый.
Зарублен рост на притолке дверной.
Воспоминанья в клочьях дымной ваты
Бегут, не слившись, где-то стороной,
Не точные.

Так как же мне вглядеться
В былое сквозь туманное стекло,
Чтобы его неконченое детство
В неначатую юность перешло...
Стамеска. Клещи. Смятая коробка.
С гвоздями всех калибров. Молоток.
Насос для шин велосипеда. Пробка
С перегоревшим проводом. Моток
Латунной проволки. Альбом для марок.
Сухой разбитый краб. Карандаши.
Вот он, назад вернувшийся подарок,
Кусок его мальчишеской души,
Хотевшей жить. Ни много и ни мало -
Жить. Только жить. Учиться и расти.

Был сдержан в письмах: "Я здоров. Учусь.
Доволен жизнью".
Письма умолчали
О трудностях, не выражали чувств.
Гораздо позже начал он делиться
Тоской и беспокойством: мать, сестра...

Навстречу людям. Всюду с ними в ногу.
Навстречу людям - цель и торжество.
Так вырабатывался понемногу
Мужской характер сына моего.

В какой стране, под гул каких прелюдий
На фабрике, на рынке иль в поту
Тот смуглый школьник пробивался в люди,
Рассчитывающий на доброту
Случайности... И если, наблюдая,
Узнать его ты ближе захотел,
Ответила ли гордость молодая?

Уже он был жандармом схвачен в Праге,
Допрошен в Бресте, в Бергене избит,
Уже три дня он прятался в овраге
От черной своры завтрашних обид.

Опять, опять к тебе я обращаюсь,
Безумная, бесшумная, - пойми:
Я с сыном никогда не отпрощаюсь,
Так повелось от века меж людьми.
И вот опять он рядом, мой ребенок.
Так повелось от века, что еще
Ты не найдешь его меж погребенных:
Он только спит и дышит горячо.

Весь день он спал, не сняв сапог, в шинели,
С открытым ртом, усталый человек.
Виски немного впали, посинели
Таинственные выпуклости век.
Я подходил на цыпочках, боялся
Дохнуть на сына. Вот он, наконец,
Из дальних стран вернулся восвояси,
Так рано оперившийся птенец.

Что в поезде не будет одинок:
Уже в метро попутчиков он встретил.
И лейтенанты вышли впятером.
Я был шестым. Крепчал ненастный ветер.

Сегодня в ночь я сына провожаю.
Пошли мы на вокзал - таким беспечным
И легким шагом, как всегда вдвоем.
Лежал табак в мешке его заплечном,
Хлеб, концентраты, узелок с бельем.

Что слезы! Дождь над выжженной пустыней.
Был дождь. Благодеянье пронеслось.
Сын завещал мне не жалеть о сыне.
Он был солдат. Ему не надо слез.
Солдат? Неправда. Так мы не поможем
Понять страницу, стершуюся сплошь.
Кем был мой сын? Он был Созданьем Божьим.
Созданьем божьим? Нет. И это ложь.

Вся жизнь моя, вся боль моя - к оружью!
Все видеть. Все сказать. Все перенесть.

Он вышел из окопа. Запах поля
Дохнул в лицо предвестьем доброты.
В то же мгновенье разрывная пуля,
Пробив губу, разорвалась во рту.

Он видел все до точки, не обидел
Сухих травинок, согнутых огнем,
И солнышко в последний раз увидел,
И пожалел, и позабыл о нем.
И вспомнил он, и вспомнил он, и вспомнил
Все, что забыл, с начала до конца.
И понял он, как будет нелегко мне,
И пожалел, и позабыл отца.
Он жил еще. Минуту. Полминуты,
О милости несбыточной моля.
И рухнул, в три погибели согнутый.
И расступилась мать сыра земля.
И он прильнул к земле усталым телом
И жадно, отучаясь понимать,
Шепнул земле - но не губами - целым
Существованьем кончившимся:
"Мать".

Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть.
Прощай, моя молодость, милый сыночек.
Пусть этим прощаньем окончится повесть
О самой глухой из глухих одиночек.

Ты в ней остаешься. Один. Отрешенный
От света и воздуха. В муке последней,
Никем не рассказанный. Не воскрешенный.
На веки веков восемнадцатилетний.

О, как далеки между нами дороги,
Идущие через столетья и через
Прибрежные те травяные отроги,
Где сломанный череп пылится, ощерясь.

Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.
Мне снится, что ты еще малый ребенок,
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных.

На этом кончается повесть о сыне.

1943